



# ПОСЛЕ СТАЛИНА: СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ И СССР В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.<sup>1</sup>

**Нечипорук Дмитрий Михайлович**

Тюменский государственный университет,

Тюмень, Россия

d.m.nechiporuk@utmn.ru

**Аннотация.** В годы «холодной войны» информация о процессах, происходивших внутри СССР, а также состояние советского общества, которое на Западе в целом воспринималось как «закрытое» и полностью зависимое от государственной политики, публиковалась не только в научных и экспертных работах, но и в прессе, которую читала самая широкая аудитория. Отгородившись от внешнего мира после окончания Второй мировой войны «железным занавесом», Советский Союз в позднесталинское время тем не менее не был полностью изолирован благодаря присутствию в столице иностранных дипломатов и специальных корреспондентов. В статье исследуется восприятие американскими журналистами и репортерами советских людей в первые годы после смерти Сталина, т.е. в 1953–1954 гг., когда иностранцы получили возможность путешествовать по Советскому Союзу. Первыми, кто проехался по Советскому Союзу после марта 1953 г., были американские корреспонденты Харрисон Солсбери и Мэгги Хиггинс, а также дипломат Перл Места, посетившая страну по приглашению советских властей. Основное внимание в работе уделяется их видению советского общества в контексте «холодной войны». Американских наблюдателей интересовали настроения советских людей, их мнение относительно собственного благополучия и отношение к США. В условиях соперничества СССР и США корреспонденты большое внимание уделяли сравнению уровню жизни двух стран, а также местным ритуалам общения и гостеприимства.

**Ключевые слова:** «холодная война», Сталин, журналистика, СССР, США, советское общество, ритуалы.

Цитирование: Нечипорук Д.М. После Сталина: советские люди и СССР в восприятии американских журналистов в первой половине 1950-х гг. // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 38–53. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-38-53 / Nechiporuk D.M. After Stalin: American Journalists on the Soviet People and USSR in the First Half of the 1950s, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 4. Pp. 38–53. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-38-53.

© Нечипорук Д.М., 2021

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00342).

# AFTER STALIN: AMERICAN JOURNALISTS ON THE SOVIET PEOPLE AND USSR IN THE FIRST HALF OF THE 1950S

**Nechiporuk Dmitry M.**

Tyumen State University,  
Tyumen, Russia  
d.m.nechiporuk@utmn.ru

**Abstract.** In the cold war epoch information about the situation within the USSR, as well as the internal development of Soviet society, which was generally perceived in the West as “closed” and completely dependent on state policy, was published not only in scholar works, but also in the U.S. newspapers. Fenced off from the outside world after the end of World War II by the Iron Curtain, the Soviet Union, however, was not completely isolated in the late Stalin era thanks to the presence in Moscow of diplomats and some foreign correspondents. The article examines the perception of the Soviet people by American journalists and reporters after Stalin’s death, when foreigners granted the permission to travel around the Soviet Union. The first American correspondents who visited and traveled extensively through the Soviet Union after March 1953 were Harrison Salisbury, Maggie Higgins, and an ambassador Pearl Mesta, who visited the country due to a special invitation of the Soviet authorities. This paper explores their vision of Soviet society on the background of the Cold War. American observers were interested in the way of thinking of the Soviet people, people’s opinions on their own well-being, and their attitude towards the United States. Amidst the acute rivalry between the USSR and the USA, American correspondents paid great attention to comparing the living standards of the two countries, as well as the Soviet rituals of personal interaction and hospitality.

**Keywords:** Cold War, Stalin, journalism, USSR, USA, Soviet society, rituals.

## ВВЕДЕНИЕ

После окончания второй мировой войны и начала американо-советского противостояния контакты и взаимодействие двух стран стали было сворачиваться. США, главный союзник СССР по борьбе с нацизмом, стал врагом номер один; в свою очередь, в Америке Советский Союз стал восприниматься как главный конкурент на пути распространения американских ценностей в мире [Magnusdottir, 2019]. Начало «холодной войны» между СССР и США разворачивалось на фоне необходимости заново переосмысливать глобальную роль стран. Телевидение в этот период еще только начинало набирать влияние, поэтому печатная пресса и радио играли главную роль в распространении сведений и стереотипов о зарубежных странах. Должность иностранного корреспондента, работающего подолгу в другой стране, имела большое значение для влиятельных и авторитетных американских газет, освещавших не только внутреннюю, но и международную политику. Послевоенные репортажи и статьи американских журналистов из закрытого «железным занавесом» Советского Союза привлекали интерес, порождали споры и горячие возражения. Как правило, подобные статьи публиковались в виде серий, в которых журналист(ка) подробно описывал(а) увиденное и услышанное в Советском Союзе. Травелоги зарубежных корреспондентов формировали у читающей аудитории восприятие Советского Союза как большой страны, в которой социально-политическая жизнь устроена совершенно иначе. До недавнего времени их роль и значение в формировании образа СССР в эпоху «холодной войны» недооценивались в историографии, хотя многие влиятельные американские издания считали необходимым иметь своего корреспондента или бюро в Москве, несмотря на угрозу высылки журналиста после обвинений в «искажении советской действительности» [Bassow, 1988, p. 295–297]. Историков прежде всего интересовало изучение восприятия Советского Союза экспертами и учеными [Engerman, 2009], видными общественными и религиозными деятелями, мечтавшими о «крестовом походе» против коммунизма, или публицистами, размышлявшими о том, каким образом коммунистическое государство потерпит крах и при каких обстоятельствах это может осуществиться [Foglesong, 2007]. Лишь в последнее время появились исследования, в которых освещается деятельность американских журналистов в Советском Союзе в годы «холодной войны». В монографии Д. Файнберг исследована работа американских корреспондентов в СССР в годы «холодной войны». В частности, в книге автор проследила эволюцию восприятия американскими репортерами советского режима начиная с конца 1950-х гг., т.е. с момента, когда Советский Союз продемонстрировал свои успехи в освоении космоса, бросив этим вызов США [Fainberg, 2020]. Статья Б. Уокер посвящена восприятию СССР в эпоху разрядки международных отношений, когда западные репортеры не только выступали в роли наблюдателей за происходящим в СССР, но и помогли местному правозащитному/диссидентскому движению [Walker, 2013]. Рефлексия американских корреспондентов по поводу возможных изменений в Советском Союзе в эпоху Брежнев анализируется в статье Р. Магнусдоттир. В ней подчеркивается, что наблюдения за позднесоветскими реалиями дополнялось изучением российской истории. По мнению исследовательницы, обращение к прошлому России заставило американских корреспондентов более критично оценивать советское настоящее и без особых надежд смотреть на возможные политические перемены в будущем [Magnusdottir, 2014].

В данной статье речь пойдет о восприятии Советского Союза и советских людей в 1950-е гг. первыми американскими журналистами и дипломатами, допущенными к путешествию по стране сразу после смерти Сталина. Методом исследования является качественный контент-анализ газетных материалов, подразумевающий анализ текстов с целью определения круга вопросов и тем, которых касаются авторы. Исследование в первую очередь опирается на репортажи американских журналистов, побывавших не только в главных городах СССР – Москве и Ленинграде, но и посетивших как советские провинциальные города, так и национальные республики. Основное внимание уделяется восприятию американцами советской повседневности, общественному порядку на улицах, включая свободу фотосъемки, отношению советских людей к иностранцам и Америке, социально-политическим ожиданиям после смены руководства страны. В центре внимания – вопрос об отношении американских наблюдателей и журналистов к Советскому Союзу в период транзита власти и надежд на перемены в сторону большей открытости в таком закрытом обществе, как советское. Источниковой основой для исследования являются газетные травелоги американских журналистов Харрисона Солсбери, главы московского бюро «Нью-Йорк Таймс» в 1949–1954 гг., военной корреспондентки Мэгги Хиггинс, сделавшей имя на освещении Корейской войны, а также Перл Места, которая стала первой американкой, получившей возможность проехать по СССР после марта 1953 г. Не будучи журналисткой, она подробно описала свое пребывание в послесталинском СССР в серии статей, которую напечатали различные американские издания. Путешествия Места и Хиггинс по СССР до настоящего момента не изучались их биографами, а репортажи Солсбери о повседневности и людях послесталинской России не рассматривались историками, изучавшими его взгляды на Советский Союз [Kirschenbaum, 2013; Fainberg, 2020].

Посещая самые разные места крупнейшего государства в мире, американские корреспонденты стремились понять, что именно происходит в Советском Союзе в послесталинское время и как именно советские люди относятся к власти, которая, с одной стороны, победила во второй мировой войне, но, с другой стороны, стремилась держать жизнь людей под контролем. Американские журналисты, вникавшие в особенности политического устройства СССР и специфику повседневной жизни в условиях информационного дефицита, ограничений и цензуры, вынуждены были волей-неволей становиться внимательными наблюдателями всего, что происходило вокруг в их поездках и встречах. Для некоторых из них было недостаточно просто фиксировать и описывать увиденное в условиях внешнего наблюдения и цензуры [New York Times, 1954, 2 October]<sup>1</sup>. Они стремились объяснить американским читателям своеобразие другой страны и образа мыслей советских людей. Понимание советской жизни опиралось у американских журналистов на их собственные культурные установки и политические представления. Можно утверждать, что все американские корреспонденты ведущих изданий опирались на классические либеральные представления об общественной жизни в широком смысле слова. В частности, они были сторонниками свободы слова, включавшей в себя право на независимое выражение людьми своих политических предпочтений и мнений. Советской плановой системе распределения

---

<sup>1</sup> Последующие ссылки на «New York Times» будут обозначаться как NYT.

товаров они предпочитали рыночную экономику, что подразумевало ограниченную роль государства в управлении экономическими процессами. Кроме того им было присуще понимание важности религии в образовании и повседневной жизни. Эти представления помогали корреспондентам доступно объяснить американской аудитории разницу в политических реалиях и повседневной жизни между двумя странами [Pittsburgh Post-Gazette, 1953, 22 October; NYT, 1954, 2 October; Oakland Tribune, 1954, 8 December]<sup>1</sup>.

### ИЗОЛЯЦИЯ В ЗАКРЫТОЙ СТРАНЕ: АМЕРИКАНСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ПОЗДНЕСТАЛИНСКОЕ ВРЕМЯ

Послевоенный период правления Сталина был одним из самых сложных периодов для иностранных корреспондентов с точки зрения условий работы. Количество американских журналистов, работавших в СССР, во второй половине 1940-х гг. неуклонно снижалось. Некоторые американские газеты сами отзывали своих представителей, но чаще всего по решению советских властей журналистам не продлевали визу, и пресс-представительство в столице закрывалось. В 1949 г. все представительство американской прессы в Москве состояло из пяти человек, причем четверо журналистов были женаты на гражданках СССР, которым власть отказывалась выдать выездную визу. Эти четверо, Томас Уитни и Эдди Гилмор из «Ассошиэйтед пресс», Генри Шапиро из «Юнайтед пресс» и журналист-фрилансер Эндрю Стайгер, предпочли остаться с женами в Москве, дабы в самый разгар борьбы с космополитизмом защитить своих жен от возможного ареста и тюремного срока. Единственным «свободным» корреспондентом был Солсбери, но он, приехав в СССР в 1949 г. в качестве нового главы бюро «Нью-Йорк Таймс», лишь однажды съездил в отпуск к себе домой. Редакция газеты сразу предупредила его, что если ему откажут в повторном въезде в Советский Союз, он лишится места штатного сотрудника [Fainberg, 2020, p. 68–69, 330; Des Moines Register, 1952, 4 October].

Американские журналисты, жившие в Москве на рубеже 1940–1950-х гг., чувствовали себя крайне несвободно и напряженно из-за начавшейся антиамериканской кампании в СССР. Антиамериканизм и подозрительность в отношении всякого американца в позднесталинское время получили широкое распространение; после громких публичных обвинений просоветской журналистки Анны Луизы Стронг в шпионаже на иностранных корреспондентов смотрели как на потенциальных шпионов, и этот стереотип закрепился в советском восприятии на долгое время [см.: Сталин и космополитизм, 2005, с. 298–299; NYT, 1949, 18 March; Зубкова, 1999, с. 153]. В таких условиях американские репортеры предпочитали вообще избегать контактов с советскими гражданами, замыкаясь в собственном кругу. Статьи из Москвы основывались на материалах советской официальной прессы или на собственных личных наблюдениях, но не в результате непосредственного общения с советскими людьми. Неудивительно, что основными темами заметок зарубежных корреспондентов, посылавшихся в американские

---

<sup>1</sup> Последующие ссылки на «Pittsburgh Post-Gazette» будут обозначаться как PPG.

новостные агентства и редакции газет, были советская внешняя политика и отчеты об успехах послевоенного восстановления советского народного хозяйства. Эти заметки из «сталинской России» воспринимались в США с большой подозрительностью и недоверием. Многие редакции газет помечали новости, присланные из Москвы, специальной пометкой, свидетельствующей о том, что они подвергались цензуре, или считали нужным прокомментировать полученный материал. В 1950 г. «Миннесота Стар», публикуя репортажи Солсбери, отмечала, что информация и утверждения могут быть искажены советской цензурой, поскольку нет возможности уточнить или прояснить у московского корреспондента сведения, касающиеся уровня жизни в Советском Союзе: «Когда газета "Нью-Йорк Таймс" попросила Солсбери прояснить некоторые абзацы, касающиеся сравнения советских цен и зарплат с американскими, то он не смог дать необходимые сведения». Отсутствие общения с советскими источниками и запрет на фактическое освещение тем, связанных с ценами, зарплатами, уровнем жизни в целом, вынуждали журналистов умозрительно писать о настроениях в Москве, опираясь на слухи (signs) и информацию из официальных советских газет [Minnesota Star, 1950].

До 1953 г. американские журналисты были лишены возможности свободно путешествовать по Советскому Союзу. Было очень непросто организовать сами поездки; передвижение по интересующим местам планировалось заранее. В неопределенных ситуациях власти либо вовсе не давали ответа на запросы корреспондентов, либо отказывали в посещении под разными предлогами. Например, канадский журналист и издатель Жерар Филон в компании с другими иностранными журналистами, транзитом пролетая по Советскому Союзу из Китая в Западную Европу, не смог убедить служащих омского аэропорта отпустить их на несколько часов на обзорную экскурсию в город [Star Press, 1952]. Солсбери вспоминал, что еще в марте 1949 г. посылал официальный запрос на посещение автомобильного завода ЗИС в Москве и колхоза в Московской области, но положительные ответы пришли только пять лет спустя [NYT, 1954, 2 October].

В ситуации дефицита или, точнее, отсутствия информации о настроениях граждан в Советском Союзе и об их жизни, под влиянием беженцев из Советского Союза и набравшего обороты идеологического противостояния, в США распространилось представление о непопулярности советской власти и марксистской идеологии среди обычных граждан. Это представление было взято на вооружение правительством США и в целом поддерживалось американской прессой, игнорировавшей суждения, ставившие под сомнение внутреннюю неустойчивость советской власти [см.: Foglesong, 2007, p. 117–118].

#### «ВПЕРВЫЕ С ТЕХ ПОР, КАК ОПУСТИЛСЯ ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС...»: ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПОЕЗДОК АМЕРИКАНЦЕВ ПО СССР

После смерти Сталина в марте 1953 г. и прихода к власти его соратников, среди которых первоначально видную роль играла фигура Г.М. Маленкова, советское руководство начало постепенно ослаблять запреты по передвижению американских

дипломатов и журналистов по Советскому Союзу. Уже в конце марта 1953 г. по приглашению Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) в Москву приехало семь американских журналистов, чтобы посмотреть страну в течение недельной поездки. Это была первое организованное посещение Советского Союза американскими репортерами и редакторами с 1946 г. Журналисты были первыми, кто еще до оглашения официальных послаблений посетили несколько предприятий и колхозов, а также смогли сфотографировать советских людей на улицах и на производстве [NYT, 1953, 1 April, 4 April, 10 April].

В июне 1953 г. советскими властями были сняты некоторые ограничения на посещение иностранцами областей и республик Советского Союза. Отныне после официального разрешения и согласования списка населенных пунктов иностранцы могли поехать в тур по России, Белоруссии, Украине, кавказским и центральноазиатским республикам. Однако в каждой республике были места, которые по-прежнему были закрыты для въезда: Урал и Горьковская область в РСФСР, Севастополь, Каркалпакская АССР в составе Узбекской ССР и др.

Послабления давали возможность иностранцам увидеть своими глазами Советский Союз за пределами столицы, пообщаться с людьми и сделать фотоснимки. Первой, кому удалось съездить в большую поездку по СССР после послаблений, была американская посланница в Люксембурге в 1949–1953 гг. Перл Места. Она была близка к президенту США Гарри Трумэну, при котором советско-американские отношения из союзнических стали враждебными, положив начало эпохе «холодной войны». Места играла видную роль в политической жизни Вашингтона, она была устроительницей вечеринок для высокопоставленных деятелей, на которых сенаторы, конгрессмены, члены президентского кабинета, влиятельные лоббисты собирались вместе для неформального общения. Приглашение на такое собрание означало, что человек вход в ближний круг вашингтонского политического сообщества. Ее влияние достигло пика в эпоху Трумэна, но и при Эйзенхауэре, следующем президенте США, Места сохранила свой авторитет в Вашингтоне [Nash, 2020, p. 78–85].

Приглашение посетить Советский Союз Места получила в апреле 1953 г. от коллеги по дипломатическому корпусу В.И. Авилова, чрезвычайного и полномочного посланника в Люксембурге в 1953–1956 гг. Как вспоминала Места, сделано это было в «русском стиле – как будто меня приглашали на чашечку чая с лимоном». Без пяти минут бывшая посланница была очень удивлена предложением Авилова, который прекрасно знал о красноречивых антисоветских заявлениях Месты во время ее дипломатической службы в Люксембурге. Очевидно, что новое руководство Советского Союза пыталось наладить испорченные отношения, в том числе через лиц, имеющих хорошие контакты с президентами США. В данном случае Места могла оказаться хорошим посредником – несмотря на ее деятельную поддержку антисоветской внешней политики Трумэна [Indianapolis News, 1953].

В течение двух месяцев, с июня по август 1953 г., Места путешествовала по Советскому Союзу. Ее визит был обставлен многими ограничениями, как формальными, так и неформальными, о части из которых она потом поведала американскому читателю в



своих статьях, вышедших в свет в различных газетах в октябре 1953 г. Как наблюдатель со стороны, Места увидела СССР в неопределенном состоянии, когда атмосфера замкнутости, подозрительности, характерная для сталинской эпохи, еще сохранялась, а грядущие перемены едва ли можно было разглядеть. Однако сам факт ее путешествия по стране, в т.ч. по местам, куда в послевоенное время иностранцы не допускались, свидетельствовал о наступлении новой эпохи. Организацией поездки занимался «Интурист», сотрудники которого на протяжении всего путешествия старались оградить Месту от прямых контактов с обычными гражданами<sup>1</sup>. В киевском цирке ее посадили в первый ряд, но отдельно от других зрителей. После антракта рядом с Местой сели два ребенка, которых тут же попытался выдворить назад инспектор цирка, но американка заступилась за детей. Посещение ресторанов и кино тоже организовывалось таким образом, чтобы изолировать Месту от советских людей. Ей это не нравилось, но, когда в Харькове она намеренно села за другой стол, ей сразу же сделали замечание. В тех публичных местах, где Месте удавалось пообщаться с советскими людьми, она несколько раз сталкивалась с антиамериканизмом, враждебным отношением и социальной паранойей. В Москве Места, гулявшая по парку в норковом воротнике, была застигнута врасплох, когда один мужчина захотел потрогать его, в то время как второй накричал на первого, чтобы он не прикасался к меху американки, который заражен опасными микробами. В другой раз при входе в московскую гостиницу молодой парень, узнав в Месте иностранку, показал ей язык и крикнул ей что-то вслед [PPG, 1953, 23 October].

В Москве Места сразу же обратила внимание на заметное расслоение горожан, низкое качество продаваемой одежды и дороговизну услуг и товаров по сравнению с США. Через несколько дней после прибытия она вызвала в центре столицы такси и осталась очень недовольна итоговой суммой за поездку: «Это возмутительно! Такая десятиминутная поездка на такси будет стоить меньше 1 доллара в Нью-Йорке! Я не собираюсь платить вам 6 долларов!» Американка попыталась привлечь на свою сторону милиционера и сотрудника советского посольства, но все было тщетно. Месте пришлось заплатить столько, сколько запросил таксист. С высокими по американским меркам ценами Места сталкивалась в самых разных местах: ресторан гостиницы «Москва», «Мосторг», ювелирный магазин, Общесоюзный дом моделей одежды. По наблюдениям Месты, дорогие магазины и рестораны были предназначены для высокопоставленных советских чиновников и военных и их жен, а также для популярных актрис и балерин [PPG, 1953, 15 October]. При этом качество советских изделий, в особенности женской одежды, было, по ее мнению, ниже американских стандартов: «Просмотрев некоторые из платьев [Мосторга] за четыреста рублей (сто долларов), скроенных не так хорошо, как некоторые из шикарных платьев за пять долларов, которые можно найти в отделах уцененных товаров нью-йоркских универсамов, я решила, что пока могу обойтись без советского платья» [PPG, 1953, 16 October].

В Москве Месте особенно сильно бросился в глаза контраст между жизнью привилегированных чиновников и внешним видом прохожих на улицах, которые

---

<sup>1</sup> Об истории въездного туризма в СССР см. подробнее: [Орлов, Попов, 2018].



выглядели людьми из деревень, а не горожанами. В парках, на базаре и в церкви Места наблюдала за бедными и плохо одетыми людьми, а также нищими, которые просили милостыню. Дипломат была сильно удивлена широкому использованию женского труда на работах, требующих тяжелого физического труда. Путешествуя по Советскому Союзу на поезде, она повсюду видела работающих женщин, занимающихся ремонтом железнодорожного полотна. Неслучайно, что в статье, посвященной положению советских женщин, была помещена фотография бедно одетых женщин в платках, чинивших рельсы, как олицетворение «наиболее эксплуатируемого пола в стране и, возможно, в мире» [PPG, 1953, 16 October].

В целом Москва запомнилась американке как город внешне эмоционально сдержанный, напряженный и неприветливый. Это настроение передавалось даже сотрудникам американского посольства, которые не могли свободно передвигаться по городу и были сильно ограничены в своих контактах. Новый посол США в России Ч. Боулен, назначенный президентом Эйзенхауэром, старался разнообразить жизнь американцев в Москве. В московской резиденции посла США проходила активная социальная жизнь, и Места как гость Боулена регулярно посещала приемы, устраиваемые посольством. Такие встречи в Спасо-хаусе, по ее мнению, были «глотком свежего воздуха» для московских экспатов и иностранных гостей. Один из знаменательных приемов, который помогала организовать Места, был устроен в честь жен американцев, которым летом 1953 г. наконец разрешили покинуть СССР вместе с их американскими мужьями [PPG, 1953, 23 October].

В Украинской ССР, куда Места отправилась из Москвы на поезде, ее ждал более теплый и радушный прием по сравнению с Москвой; украинцы оказались ей более непосредственными и искренними собеседниками. Несколько раз к Месте подходили женщины, чтобы поговорить на английском. Одна из них, увидев приближающегося к ним милиционера, сразу же прервала беседу и стремительно ушла прочь [PPG, 1953, 19 October]. В Запорожье, Харькове и Киеве ей показали местные промышленные предприятия. Особый интерес у нее вызвал сталелитейный завод в Запорожье, поскольку Места была вдовой питтсбургского магната Джорджа Места, владевшего заводом «Mesta Machinery». Предприятие экспортировало свою продукцию в Советский Союз, и Места была рада увидеть на производстве прокатный стан из Питтсбурга. Общее оснащение металлургического предприятия Места оценила высоко, признав, что завод не хуже тех, что она видела в США [PPG, 1953, 17 October].

Места неоднократно сталкивалась с нежеланием советских людей сообщать общую статистическую информацию. Укоренившаяся атмосфера подозрительности привела к тому, что ей не хотели отвечать на вопросы, касавшиеся численности жителей в Москве и ассортимента продукции «Запорожсталь». В свою очередь Места на протяжении всего путешествия держала себя в руках, чтобы не дать повода использовать ее комплименты как доказательство преимущества социализма над капитализмом. В книге посетителей завода она сдержанно написала: «Большое спасибо за гостеприимство», — чем разочаровала руководство завода, рассчитывавшего, по всей видимости, после радушного приема на восторженный отклик [PPG, 1953, 17 October].

Новость о внезапном аресте члена Политбюро ЦК КПСС, ближайшем соратнике Сталина Л.П. Берии заставила Месту прервать путешествие по Украинской ССР и вернуться из Киева в Москву. Перед отъездом она пыталась выяснить отношение людей к аресту одного из влиятельных руководителей, но увидела лишь конформизм и быстрое принятие людьми официальной версии. Ни в Киеве, ни в других городах СССР никто в беседах с Местой не подверг сомнению обвинение Берии в шпионаже. Даже в Грузии ей говорили о Берии ровно то, что узнали из газет и радио, и никто не мог рассказать американке, откуда он родом [PPG, 1953, 19, 21, 23 October].

Незадолго до отъезда Места вступила в спор с сотрудником «Интуриста» о том, какая страна лучше. Пререкания случились после посещения американкой Пятой сессии Верховного Совета СССР 5–8 августа 1953 г., где она наблюдала за работой союзного парламента. Во время обмена мнениями о сессии американка прямо сообщила работнику «Интуриста», что не нашла ничего хорошего в речи Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова. Ей не понравились вполне традиционные для того времени словесные нападки на США и «американский империализм»: «Как бы вам понравилось, если бы кто-то напал на ваше правительство, как на наше?» «Ну, — ответил он, — нам же не нравится ваша система». Я парировала: «А нам не нравится ваша, и мы квиты». «В вашей стране ни у кого нет шансов», — продолжил он. «Откуда вы знаете? — спросила я. — Вы не можете свободно путешествовать или читать иностранные газеты. Что вы можете знать о том, что происходит в мире?» [PPG, 1953, 24 October].

Этот диалог неслучайно завершал газетную серию статей Месты о пребывании в СССР. Пробыв в стране идеологического противника два месяца, она вернулась назад в Западную Европу такой же убежденной сторонницей «свободного общества», какой была и до путешествия. В ее первом интервью в Лондоне американка не стала делать никаких комплиментов ни людям, ни советскому государству, назвав Советский Союз «странным миром», в котором она бы «определенно не хотела жить» [Chicago Tribune, 1953].

После Месты возможность путешествовать по Советскому Союзу и право на общение с советскими гражданами получил и Солсбери, который продолжал работать специальным корреспондентом «Нью-Йорк Таймс». Спустя девять лет журналист вновь отправился в путешествие по советским республикам Средней Азии. В отличие от предыдущего раза, когда он поехал как корреспондент союзной державы в составе американской делегации на специально предоставленном самолете, Солсбери полетел в азиатскую часть СССР обычным пассажирским рейсом, посещая только те места, которые были доступны. В своих репортажах Солсбери не упоминает о встречах с местными людьми; его газетные очерки посвящены исключительно социально-экономическому состоянию Казахской, Узбекской и Таджикской ССР. Солсбери отмечал прогресс в развитии советских республик за прошедшие девять лет, хотя и не в тех масштабах, которые были запланированы властями в конце войны [NYT, 1953, 6 October].

В таком же духе были выдержаны и газетные травелоги Солсбери в 1954 г., когда он проехался по городам европейской России и Сибири. Статьи были посвящены истории и современному состоянию городов, в которых побывал Солсбери. Теперь

репортажи иллюстрировались фотографиями с улиц городов, которые фиксировали, по его признанию, «повседневные уличные события» [NYT, 1954, 28 June]. Однако проблема с беспрепятственным фотографированием архитектуры и улиц оставалась для иностранцев актуальной и после снятия запрета в феврале 1954 г. на съемку парков, гражданских зданий, исторических мест. Милиционеры продолжали задерживать американцев во время фотографирования городских пейзажей как в Москве, так и в провинции. Солсбери отмечал, что даже если милиционеры не мешали снимать виды столицы, то все равно «ни дня не проходило без того, чтобы меня не останавливали простые граждане и прохожие, каждый из которых считал нужным сказать мне, что фотографировать запрещено» [NYT, 1954, 8 August]. Другая американская журналистка, Мэгги Хиггинс, путешествуя по Сибири в 1954 г., шестнадцать раз задерживалась милицией во время фотографирования улиц [Oakland Tribune, 1954, 10 December].

Тем не менее, с лета 1954 г. Солсбери стал писать о чуть большей открытости советского общества и видимых переменах, которые были заметны в Москве и Ленинграде. Его статья о телевидении в СССР была посвящена новому этапу распространения телевидения, которое становилось все более популярным у советских людей. Оценивая советское телевидение с точки зрения американских стандартов, Солсбери выделял три отличительные черты советского вещания: отсутствие развлекательных передач и шоу, сделанных специально для телевидения, обезличенность вещания, выражавшуюся в отсутствии ведущих для новостей и разговорных передач, и отсутствие коммерческой рекламы. Последнее, по мнению журналиста, нельзя было признать недостатком советского телевидения [NYT, 1954, 11 July].

Летом 1954 г. Солсбери стал очевидцем приезда в Москву первых американских студентов-славистов из Колумбийского университета, изучавших русский язык и современную советскую литературу. Группе учащихся, среди которых был будущий известный специалист по истории России и социалистических учений Фрэнсис Рэндалл, удалось пообщаться с высокопоставленными членами Союза писателей СССР Алексеем Сурковым и Анатолием Софроновым. Со своими советскими сверстниками студенты говорили об американской серии фильмов «Тарзан», снятых еще в довоенное время и показанных с большим успехом в советских кинотеатрах в 1952 г. Несмотря на опасения гостей, что их могут воспринять как шпионов, встречи и дискуссии в Москве проходили дружелюбно [NYT, 1954, 25 August].

После возвращения в США Солсбери опубликовал в «Нью-Йорк Таймс» серию статей под общим заголовком «Еще раз о России» («Russia Re-Visited»), в которых он уже без оглядки на советскую цензуру описал свои впечатления о Советском Союзе после смерти Сталина. На этот раз американский журналист уделил больше внимания интересам и уровню жизни советских людей, не состоявших в коммунистической партии. Видя всю относительность послаблений и наблюдая за жизнью советского общества изнутри целых пять лет, Солсбери ясно понимал значение трех факторов, которые не были заметны со стороны. Репрессии и ограничения при Сталине, последствия войны и враждебные отношения с Америкой определяли, по мнению Солсбери, умонастроения советских людей в переходный период. Отказ от массовых репрессий,

амнистия 27 марта 1953 г. и снижение цены на водку 1 апреля 1953 г. привели к тому, что тысячи людей устремились в большие города, включая Москву, куда въезд для только что освободившихся был запрещен. Солсбери отмечал, что это привело к росту уличной преступности в столице и изменению общей атмосферы на улицах города: «Впервые с тех пор, как я приехал в Москву, количество нетрезвых на улице стало весьма внушительным, а уличные пьяные потасовки возле кафе и других заведений по продаже спиртных напитков, особенно поздно ночью, участились. Дважды, собираясь после полуночи поймать такси на стоянке у ресторана «Нарва» на Садово-Самотечной недалеко от московского офиса «Нью-Йорк Таймс», я видел жестокую бандитскую драку. В одном случае я уверен, что видел убитого человека, а в другом случае — человека с тяжелыми ножевыми ранениями» [NYT, 1954, 1 October].

В статье «Жизнь простого советского человека — это постоянная борьба» Солсбери рассказал о судьбе 39-летнего рабочего Ивана, который, по собственному признанию, стал жить лучше после смерти Сталина. Но участвовать в грубом поношении Сталина, как это делали некоторые его друзья, Иван не хотел, поскольку уважал покойного руководителя, списывая все плохое на окружение генерального секретаря. Вместе с друзьями он много пил, а однажды, в ночь после ареста Берии, ближайшего соратника Сталина, Иван участвовал в драке с милиционерами. Все зачинщики были арестованы и приговорены к штрафу в 50 рублей, но Иван признался американцу, что не жалеет о содеянном<sup>1</sup>. По мнению Солсбери, пьянство и уличные беспорядки были видимыми проявлениями ослабления страха в Москве, а также частичной утраты контроля над поведением горожан. Журналист в последний год своего пребывания в Москве стал свидетелем развернувшейся антиалкогольной компании, направленной как против чрезмерного потребления водки, так и против популярных питейных мест, вроде «Коктейль-Холла» на улице Горького, ресторана в гостинице «Советская» и многочисленных открытых водочных лотков [NYT, 1954, 24 September, 1 October].

В Сибири, в рабочих городах и деревнях, журналист увидел еще более удручающую картину пьянства. Особенно его поразил ресторан в Якутске, где совсем молодые рабочие напивались после смены до беспамятства. В алтайском селе Павловск журналист наблюдал повальное пьянство мужчин на православную Троицу, когда «мужики лежали тут и там на траве, крепко уснув» [NYT, 1954, 1 October].

В целом Солсбери считал, что социальное ощущение советского человека после смерти Сталина определялось, с одной стороны, надеждами на лучшую жизнь, а с другой стороны — страхом новой войны, которая вновь принесет страдания и лишения. Вера в будущее означала надежду на улучшение личного благосостояния для тех, кто был в расцвете сил и нашел свое место в послевоенном обществе. Для пострадавших от сталинских репрессий и войны появилась надежда увидеть своих родных и близких, пропавших в лагерях или на фронте. Солсбери рассказал своим читателям о жизни москвички Марии, чей муж был репрессирован в 1937 г. Несмотря на отсутствие писем от него с 1939 г., она не расставалась с мыслью

---

<sup>1</sup> Зарплата Ивана составляла 600 рублей. Бутылка водки после апрельского снижения цен стоила 22 руб. 80 коп. [NYT, 1954, 24 September].

увидеть однажды мужа и доказать в суде его невиновность. Другой собеседник Солсбери, 30-летний Дмитрий, участвовавший в юности в Великой Отечественной войне танкистом, получив серьезные ранения, сумел затем окончить лингвистический университет, зарабатывая в начале 1950-х гг. до 3000 руб. переводчиком в одном из московских издательств. Солсбери увидел в Дмитрие и его семье, состоявшей из него самого, жены и двух детей, олицетворение опоры новой власти. По сравнению со многими другими москвичами, не говоря уже о сельских жителях, надежды Дмитрия и его семьи на лучшую жизнь были связаны в первую очередь с постепенно открывавшимися возможностями покупать новые бытовые товары, разнообразнее одеваться и путешествовать по Советскому Союзу. Он и его друзья в целом поддерживали изменения во внутренней политике после марта 1953 г., но во время встречи с Солсбери в ресторане они старались вести себя сдержанно. Для них, как и для большинства собеседников Солсбери, это была первая встреча с американцем, поэтому у них самих были вопросы к журналисту насчет внешней политики Соединенных Штатов [NYT, 1954, 24 September].

Солсбери, равно как и другим американским журналистам в 1950-е гг., неоднократно приходилось сталкиваться с недоверчивым, а часто и враждебным отношением к США как к агрессору и инициатору войны [Нечипорук, 2017]. Также распространено было представление об Америке как стране, где простые граждане совершенно бесправны и обездолены [PPG, 1953, 24 October; Oakland Tribune, 1954, 9 December; NYT, 1955, 26 June]. Тем не менее, по мере «либерализации» внутренней политики враждебность к иностранцам у советских людей ослабевала. Но это еще не означало, что вера в американские ценности приходила на смену разочарованности в социализме или усталости от трудной жизни. Американская журналистка Мэggi Хиггинс, проехавшая по СССР летом 1954 г., в результате большого количества бесед пришла к выводу, что советские люди пребывают в апатии, не видя альтернативы текущему строю [Oakland Tribune, 1954, 8 December].

В заключение необходимо отметить, что американцы, опубликовавшие свои впечатления от увиденного в Советском Союзе в 1953–1954 гг., затронули ряд тем, которые будут обсуждаться американскими журналистами и позднее, уже в период более частого посещения Советского Союза иностранцами. Одной из наиболее важных тем являлась несвободное положение советского человека и его зависимость от государства. Несмотря на послабления и смену внутривнутриполитического курса, американцы не увидели кардинальных перемен в жизни СССР. Они по-прежнему смотрели на советскую жизнь и повседневность сквозь оптику «холодной войны», которая подразумевала негативную оценку советского образа жизни и политического строя страны.

Кроме того, американцам всегда было интересно сравнивать Советский Союз со своей родной страной. Прежде всего это касалось цен на продукты и товары, доступности жилья, сопоставления зарплат в условиях непрозрачного курса валют двух стран. Также сам характер путешествия, его стоимость, проблемы с едой в кафе и ресторанах, а также проживание в отелях стали одной из излюбленных тем американских журналистов в 1950–1980-е гг. Перл Места была первой в

послевоенное время, кто дал подробные советы, как подготовиться к путешествию по Советскому Союзу [PPG, 1953, 22 October]. В дальнейшем многие американские журналисты будут писать о специфике пребывания в СССР и о неформальных ритуалах во время приемов иностранцев<sup>1</sup>. Непосредственное общение американских корреспондентов с советскими гражданами опровергало распространенную внутри США идею о том, что люди изменяют свое отношение к коммунистической власти, если начнут напрямую общаться с американцами. Напротив, журналисты часто сталкивались с негативным восприятием США, и иногда они вступали в спор с советскими людьми о том, чья страна лучше. По мере усиления соперничества между СССР и США американские журналисты все чаще будут участвовать в таких дебатах как очно, так и заочно. Наконец, путешествуя по СССР, американские журналисты не могли не заметить колоссальную разницу между Москвой и Ленинградом и остальными населенными пунктами страны. В дальнейшем, когда география путешествий для американцев заметно расширится, серьезной и официальной атмосфере Москвы и Ленинграда будут противопоставляться не только Украина, но и советские Эстония, Армения, а также Сибирь как «русский дикий Запад».

## ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 230 с.

Нечипорук Д.М. Дружба домохозяек: Письмо Надежды Копыцкой в газету «New York Times» и советско-американские отношения в 1957 году // *Americana: сборник статей*. Выпуск 15. СПб.-Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2017. С. 46–63.

Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». See USSR!: иностранные туристы и призрак потемкинских деревень. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 485 с.

Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: МФД; Материк, 2005. 768 с.

Atlantic Constitution, 1969, 3 October.

Bassow W. *The Moscow Correspondents: Reporting on Russia from the Revolution to Glasnost*. New York: W. Morrow, 1988. 385 p.

Charlotte Observer, 1973, 9 September.

Chicago Tribune. 1953. 25 August.

Des Moines Register. 1952. 4 October.

Detroit Free Press, 1983, 19 October.

---

<sup>1</sup> Самых важных и почетных гостей из США, включая журналистов, в позднесоветское время обильно угощали русской едой и выпивкой. Советское, или «русское», гостеприимство чаще всего ассоциировалось с водкой, черной икрой, блинами и произнесением ритуальных тостов за дружбу [см.: Atlantic Constitution, 1969, 3 October; Charlotte Observer, 1973, 9 September; Honolulu Advertiser, 1973, 30 November; Detroit Free Press, 1983, 19 October].



- Engerman D. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. New York: Oxford University Press, 2009. 459 p.
- Fainberg D. *Cold War Correspondents Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020. 376 p.
- Foglesong D. *The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881*. New York: Cambridge University Press, 2007. 352 p.
- Honolulu Advertiser, 1973, 30 November.
- Indianapolis News. 1953. 14 October.
- Kirschenbaum L. Constructing a Cold War Epic: Harrison Salisbury and the Siege of Leningrad // *Americans Experience Russia: Encountering the Enigma, 1917 to the Present*. Ed. by Chatterjee C., Holmgren B. New York: Routledge, 2013. Pp. 67–83.
- Magnusdottir R. Cold War Correspondents and the Possibilities of Convergence: American Journalists in the Soviet Union, 1968–1979 // *Soviet and Post-Soviet Review*. 2014. Vol. 41. № 1. Pp. 33–56.
- Magnusdottir R. *Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959*. New York: Oxford University Press, 2019. 240 p.
- Minnesota Star. 1950. 20 October.
- Nash P. *Breaking Protocol: America's First Female Ambassadors, 1933–1964*. Lexington: University Press of Kentucky, 2020. 288 p.
- New York Times. 1949–1955.
- Oakland Tribune. 1954.
- Pittsburgh Post-Gazette. 1953.
- Star Press. 1952. 5 December.
- Walker B. The Moscow Correspondents, Soviet Human Rights Activists, and the Problem of the Western Gift // *Americans Experience Russia: Encountering the Enigma, 1917 to the Present*. Ed. by Chatterjee C., Holmgren B. New York: Routledge, 2013. Pp. 127–138.

## REFERENCES

- Zubkova E. *Poslevoennoe sovetское obshchestvo: politika i povsednevnost'ju, 1945–1953* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life, 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 230 p. (in Russian).
- Nechiporuk D.M. Druzhba domozhjaek: Pis'mo Nadezhdy Kopyckoj v gazetu "New York Times" i sovetско-amerikanskije otnoshenija v 1957 godu [Housewives' Friendship: A Letter of Nadezhda Kopytskaya to the New York Times and Soviet-American Relationships in 1957], in *Americana. Sbornik statej*. Vol. 15. Sankt-Peterburg-Volgograd: Volgogradskij gosudarstvennij universitet, 2017. Pp. 46–63 (in Russian).
- Orlov I.B., Popov A.D. *Skvoz' "Zheleznyj Zhanes"*. See *USSR!: Inostrannye Turisty i Prizrak Potemkinskih Dereven'* [Through "Iron Curtain". See USSR!: Foreign Tourists and A Ghost of Potemkin Villages]. Moscow: Izd. dom vysshej shkoly ekonomiki, 2018. 485 p. (in Russian).



- Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa CK* [Stalin and Cosmopolitanism, 1945–1953. Documents of Agitprop CC]. Moscow: MFD: Materik, 2005. 768 p. (in Russian).
- Atlantic Constitution, 1969, 3 October.
- Bassow W. *The Moscow Correspondents: Reporting on Russia from the Revolution to Glasnost*. New York: W. Morrow, 1988. 385 p.
- Charlotte Observer, 1973, 9 September.
- Chicago Tribune. 1953. 25 August.
- Des Moines Register. 1952. 4 October.
- Detroit Free Press, 1983, 19 October.
- Engerman D. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. New York: Oxford University Press, 2009. 459 p.
- Fainberg D. *Cold War Correspondents Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020. 376 p.
- Foglesong D. *The American Mission and the "Evil Empire": The Crusade for a "Free Russia" since 1881*. New York: Cambridge University Press, 2007. 352 p.
- Honolulu Advertiser, 1973, 30 November.
- Indianapolis News. 1953. 14 October.
- Kirschenbaum L. Constructing a Cold War Epic: Harrison Salisbury and the Siege of Leningrad, in *Americans Experience Russia: Encountering the Enigma, 1917 to the Present*. Ed. by Chatterjee C., Holmgren B. New York: Routledge, 2013. Pp. 67–83.
- Magnusdottir R. Cold War Correspondents and the Possibilities of Convergence: American Journalists in the Soviet Union, 1968–1979, in *Soviet and Post-Soviet Review*. 2014. Vol. 41. No. 1. Pp. 33–56.
- Magnusdottir R. *Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959*. New York: Oxford University Press, 2019. 240 p.
- Minnesota Star. 1950. 20 October.
- Nash P. *Breaking Protocol: America's First Female Ambassadors, 1933–1964*. Lexington: University Press of Kentucky, 2020. 288 p.
- New York Times. 1949–1955.
- Oakland Tribune. 1954.
- Pittsburgh Post-Gazette. 1953.
- Star Press. 1952. 5 December.
- Walker B. The Moscow Correspondents, Soviet Human Rights Activists, and the Problem of the Western Gift, in *Americans Experience Russia: Encountering the Enigma, 1917 to the Present*. Ed. by Chatterjee C., Holmgren B. New York: Routledge, 2013. Pp. 127–138.

Статья принята к публикации 18.11.2021